

страстность и партийность увлекали его, и его загробное царство полно несправедливо осуждённых или возвеличенных не в меру. Боккаччио рассказывает о нём, качая головой, как, бывало, в Равенне он настолько выходил из себя, когда какая-нибудь женщина или ребёнок бранили гибеллинов, что готов был забросать их камнями. Это, может быть, анекдот, но в XIII-й песне Ада Данте треплет за волосы предателя Бокку, чтобы дознаться его имени; обещает другому под страшной клятвой («пусть угрожу я в глубь адского ледника», Ад XIII, 117) очистить его заледневшие глаза, и когда тот назвал себя, не исполняет обещания с сознательным злорадством (loc. cit. v. 150 и сл. Ад VIII, 44 и сл.). Иной раз поэт брал в нём перевес над носителем принципа, либо им овладевали личные воспоминания, и принцип был забыт; лучшие цветы поэзии Данте выросли в минуты такого забвения. Данте сам видимо любит грандиозным образом Капанея, молчаливо и угрюмо простёртого под огненным дождём и в своих муках вызывающего на бой Зевса (Ад, п. XIV). Данте покарал его за гордыню, Франческу и Паоло (Ад, V) – за грех сладострастия; но он окружил их такой поэзией, так глубоко взволнован их повестью, что участие граничит с сочувствием. Гордость и любовь – страсти, которые он сам признает за собой, от которых очищается, восходя по уступам Чистилищной горы к Беатриче; она одухотворилась до символа, но в её упреках Данте среди земного рая чувствуется человеческая нота «Обновлённой жизни» и неверность сердца, вызванная реальной красавицей, не Мадонной-философией. И гордость не покинула его: естественно самосознание поэта и убеждённого мыслителя. «Последуй своей звезде, и ты достигнешь славной цели», – говорит ему Брунетто Латини (Ад, XV, 55); «мир будет внимать твоим вещаниям», – говорит ему Каччьягвида (Рай, XVII, 130 и след.), и сам он уверяет себя, что его, отстранившегося от партий, они ещё позовут, ибо он будет им нужен (Ад, XV, 70).

Программа Божественной Комедии охватывала всю жизнь и общие вопросы знания и давала на них ответы: это – поэтическая энциклопедия средневекового мирозерцания. На этом пьедестале вырос образ самого поэта, рано окружённый легендой, в таинственном свете его Комедии, которую сам он назвал священной поэмой, имея в виду её цели и задачи; название Божественной случайно и принадлежит позднему времени. Тотчас после его смерти являются и комментаторы, и подражания, спускающиеся до полународных форм «видений»; терцины комедии распевали уже в XIV в. на площадях. Комедия эта – просто книга Данте, *el Dante*. Боккаччио открывает ряд его публичных истолкователей. С тех пор его продолжают читать и объяснять; поднятие и падение итальянского народного самосознания выражалось такими же колебаниями в интересе, который Данте возбуждал в литературе. Вне Италии этот интерес совпадал с идеалистическими течениями общества, но отвечал и целям школьной эрудиции, и субъективной критики, видевшей в Комедии все, что ей угодно: в империалисте Данте – что-то в роде карбонара, в Данте-католике – ересиарха, протестанта, человека, томившегося сомнениями. Новейшая экзегеза обещает повернуть на единственно возможный путь, с любовью обращаясь к близким к Данте по времени комментаторам, жившим в полосе его мирозерцания или усвоившим его. Там, где Данте – поэт, он доступен каждому; но поэт смешан в нём с мыслителем, а он требует прежде всего суда себе равных, если мы хотим выделить из дебрей схоластики и аллегии, из-под «покрова загадочных стихов» скрытое в них поэтическое содержание. Главные труды, выражающие современное состояние литературы о Данте: Bartoli, «Storia della letteratura italiana» (Флор., 1878 и след., т. IV, V и VI); Scartazzini, «Prolegomeni della Divina Commedia» (Лпц., Брокгауз, 1890); его же, «Dante-Handbuch» (1. с., 1892, у Скартаццини богатая библиография предмета со включением переводов дантовских произведений). Из биографий Данте, имеющих на русском языке, книга Вегеле (русский пер. Алексея Веселовского, Москва) значительно устарела, хотя ещё может служить в известной мере к характеристике эпохи; недавний труд Симондса: «Данте, его время, его произведения, его гений» (пер. с англ. М. Корш., СПб., 1893) даёт несколько красивых эстетических оценок, но сведения автора в средневековой литературе недостаточны и устарели, а в вопросе о Данте далеко отстали от движения современной науки.